

Психологические ресурсы совладания со страхом перед COVID-19 и негативными психоэмоциональными состояниями у студентов России и Казахстана

В.В. Гриценко

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

А.Д. Резник

Университет Бен Гурион в Негеве (БГУ), г. Беэр-Шева, Израиль
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4120-909X>, e-mail: reznikal@bgu.ac.il

В.В. Константинов

Пензенский государственный университет (ФГБОУ ВО ПГУ),
г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

И.В. Гужва

Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ),
г. Смоленск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4223-1520>, e-mail: empatiya84@mail.ru

Т.Ю. Маринова

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Р. Израйловиц

Университет Бен Гурион в Негеве (БГУ), г. Беэр-Шева, Израиль
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8413-1686>, e-mail: richard@bgu.ac.il

Актуальность исследования обусловлена наличием противоречия между осознанием значимости ресурсного потенциала личности в условиях распространения инфекционных заболеваний и недостаточной изученностью психологических ресурсов преодоления страха перед COVID-19 в кросс-культурном контексте. Цель исследования — изучение стрессоустойчивости и базисных убеждений личности как основных психологических ресурсов совладания со страхом перед COVID-19 и негативными психоэмоциональными состояниями у студенческой молодежи России и Казахстана. В исследовании участвовали 2310 российских и 500 казахстанских студентов (71,2% — девушки, средний возраст — 19,7). Выявлен более высокий уровень выраженности стрессоустойчивости и базисных убеждений в Благожелательности, доброжелательности мира и Осмысленности, справедливости мира у казахстанских студентов, по сравнению с российскими, что детерминировано особенностями сформировавшейся в условиях кочевого образа жизни казахской культуры, в основе которой лежат принципы взаимоподдержки и взаимопомощи, доверия и открытости. Показано, что независимо от страны и пола высокий уровень стрессоустойчивости и выраженность базисных убеждений сопровождаются более низкими показателями страха перед COVID-19 и отсутствием связанных с ним негативных психоэмоциональных состояний, что свидетельствует об универсальности данных психологических ресурсов как буфера, смягчающего травмирующее влияние ситуации пандемии.

Ключевые слова: психологические ресурсы, стрессоустойчивость, базисные убеждения личности, пандемия, коронавирусное заболевание, страх перед COVID-19, негативные психоэмоциональные состояния, российские студенты, казахстанские студенты, российская культура, казахстанская культура.

Для цитаты: Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В., Гужва И.В., Маринова Т.Ю., Израйловиц Р. Психологические ресурсы совладания со страхом перед COVID-19 и негативными психоэмоциональными состояниями у студентов России и Казахстана // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4. С. 47–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180405>

Psychological Resources for Coping with Fear of COVID-19 and Negative Psychological Emotional States among Students of Russia and Kazakhstan

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Alexander D. Reznik

Ben Gurion University of the Negev, Beer Sheva, Israel
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4120-909X>, e-mail: reznikal@bgu.ac.il

Vsevolod V. Konstantinov

Penza State University, Penza, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Irina V. Guzhva

Smolensk State University, Smolensk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4223-1520>, e-mail: empatiya84@mail.ru

Tatyana Yu. Marinova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Richard Isralowitz

Ben Gurion University of the Negev, Beer Sheva, Israel
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8413-1686>, e-mail: richard@bgu.ac.il

The article presents the analysis results of stress resistance and basic beliefs as psychological resources for coping with fear of COVID-19 and negative psychological and emotional states on the sample of Russian (N=2310) and Kazakh (N=500) students (71.2% – women, average age 19.7). A higher level of stress resistance and basic belief expression in Benevolence of the World Around and Perceiving the World as Meaningful and Social Justice among Kazakh students in comparison with Russian ones is revealed, which is determined by the peculiarities formed in the conditions of the nomadic lifestyle of the Kazakh culture, based on the principles of mutual support and mutual assistance, trust and openness. It is shown that, regardless of the country and gender, high level of stress resistance and expression of basic beliefs are accompanied by lower indicators of fear of COVID-19 and the absence of negative psychological and emotional states associated with it, which suggests the universality of these psychological resources as a buffer that mitigates the traumatic effect of the pandemic situation.

Keywords: psychological resources, stress resistance, basic personal beliefs, pandemic, coronavirus disease, fear of COVID-19, negative psychological and emotional states, Russian students, Kazakh students, Russian culture, Kazakh culture.

For citation: Gritsenko V.V., Reznik A.D., Konstantinov V.V., Marinova T.Yu., Guzhva I.V., Isralowitz R. Psychological Resources for Coping with Fear of COVID-19 and Negative Psychological Emotional States among Students of Russia and Kazakhstan. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 47–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180405>

Введение

Пандемия коронавируса (COVID-19) как источник стресса и негативных эмоциональных переживаний. Пандемия коронавируса на сегодняшний день выступает в качестве массового коллективного и глобального травматического стрессора [13]. COVID-19 вызывает стресс по многим причинам. Среди них — восприятие угрозы жизни и здоровью (своему или родных и близких), переживания, связанные с фактическими или потенциальными материальными трудностями, ситуацией изоляции, нарушенным порядком личной и социальной жизни и др. [18; 26]. Тем самым пандемия блокирует удовлетворение базовых потребностей человека в безопасности, определенности, стабильности, контроле над своей жизнью.

За время пандемии среди населения выросло число лиц с психопатологической симптоматикой (нарушения сна, депрессия, тревога, психосоматические расстройства [4; 18; 26]. Особенно уязвимой в условиях пандемии оказалась студенческая молодежь. Наряду с общими факторами стресса, исследователи отмечают и специфические: массовое внедрение электронного обучения, социальные и материальные ограничения, негативно воздействующие на психическое здоровье студентов [22].

Присутствующий в обществе негативный эмоциональный фон, обусловленный коронавирусом, ставит на повестку дня вопрос о возможностях человека, обеспечивающих его существование в трудных жизненных ситуациях, об имеющихся у него ресурсах для совладания со стрессом, вызванным пандемией.

Ресурсный подход к изучению средств совладания с негативными эмоциональными состояниями. К проблеме психологических ресурсов индивида обращались многие отечественные исследователи: В.А. Бодров, Н.Е. Водопьянова, А.Н. Демин, Л.Г. Дикая, Т.Л. Крюкова, Д.А. Леонтьев, В.И. Моросанова, К. Муздыбаев, С.А. Шапкин и др. Они рассматривали ресурс и как возможность/средство преодоления стрессов, и как элемент саморегуляции деятельности и поведения. Так, Д.А. Леонтьев выделяет группу ресурсов устойчивости или ценностно-смысловых ресурсов (базисные убеждения, осмысленность жизни и т. п.), благодаря которым человек обретает чувство уверенности, позитивную самооценку, способность к самостоятельному принятию решений, и группу ресурсов саморегуляции (локус контроля, толерантность к неопределенности, склонность к риску и т. п.), которые определяют стратегии саморегуляции в трудных жизненных обстоятельствах [12]. В то же время такие психологические феномены, как оптимизм и жизнестойкость (или стрессоустойчивость) входят и в ресурсы устойчивости, и в ресурсы саморегуляции [12], тем самым подтверждая тесную связь между обеими группами ресурсов.

Другие исследователи также подчеркивают важность изучения ресурсного потенциала стрессоустойчивости и системы убеждений личности в процессе преодоления жизненных трудностей, в том

числе и в условиях болезни [1; 8]. Выявлена тесная связь между базисными убеждениями личности и совладающим поведением: люди с более позитивными убеждениями, как правило, легче справляются с посттравматическими переживаниями, используют более активные и менее пассивные копинг-стратегии [32]. Базисные убеждения личности, согласно теории психической травмы Р. Янофф-Бульман, — это имплицитные представления индивида о мироздании, других людях и о себе, формирование которых начинается с детского возраста и на становление которых оказывают влияние различные факторы [17], в том числе и культура.

Культура как предиктор отношения к коронавирусному заболеванию. Известно, что культура определяет отношение человека к миру, вещам, событиям [30], включая и отношение к болезни [21; 25]. Особый интерес вызывает отношение к коронавирусному заболеванию у представителей народов так называемого постсоветского пространства, культура которых имеет как сходные, так и отличные черты, обусловленные общностью и различиями в их исторических судьбах.

Россия и Казахстан входят в группу восточно-европейских стран и объединены наличием в культуре черт и Востока, и Запада. Однако выраженность этих черт в культурах Казахстана и России различна. Так, казахстанской культуре в большей степени, чем российской, присущи ценности коллективизма и маскулинности [5; 23]. Дихотомия индивидуализм/коллективизм особенно важна в контексте вспышек инфекционных заболеваний, поскольку есть данные, согласно которым коллективистские социальные нормы, такие как конформизм, способствуют соблюдению более строгих мер в отношении карантина, социального дистанцирования и гигиены. Тем самым коллективизм оказывает положительное влияние на сокращение распространения COVID-19 [27]. Опираясь на эти данные, мы можем предположить, что беспокойство по поводу семьи и членов группы может привести представителей коллективистских культур к более выраженному переживанию страха перед коронавирусным заболеванием. В то же время возможно и другое диаметрально-противоположное предположение: поощрение в коллективистских культурах взаимной зависимости, моральной ответственности и заботы о детях, стариках, больных и нуждающихся создает условия, позволяющие снизить переживание страха и других негативных эмоциональных реакций, связанных с COVID-19 [24].

Маскулинные культуры в большей степени по сравнению с фемининными ориентированы на достижения, успех, признание, конкуренцию. Маскулинность традиционно ассоциируется с актами смелости, храбрости, героизма, преодолением страха и «управлением» риском [34]. Смеем предположить, что в маскулинных культурах, к которым принадлежит казахстанская культура будет наблюдаться меньший уровень переживания страха перед COVID-19, чем в фемининных, к которым относится российская культура.

Итак, анализ работ отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод о том, что в науке накоплен определенный опыт исследования ресурсного потенциала человека в условиях распространения инфекционных заболеваний. Вместе с тем отмечается недостаточность исследований, нацеленных на изучение связи психологических ресурсов с уровнем страха перед COVID-19 и негативными психоэмоциональными состояниями у молодежи в кросс-культурном контексте.

Целью исследования стало изучение стрессоустойчивости и базисных убеждений личности как основных психологических ресурсов совладания со страхом перед COVID-19 и другими негативными психоэмоциональными состояниями у студенческой молодежи России и Казахстана.

Предполагается, что сходство и различия в психологических ресурсах, обеспечивающих совладание со страхом у студентов России и Казахстана, определяются сходством и различиями между казахстанской и российской культурами.

Метод

Выборка. В исследовании участвовали 2810 человек, 82,2% (2310 человек) из России, 17,8% (500 человек) из Республики Казахстан. Выборка включала 71,2% (1996 человек) женщин и 28,8% (806 человек) мужчин. Из них 72,3% женщин и 27,7% мужчин были из России, 66,4% женщин и 33,6% мужчин — из Казахстана ($\chi^2(1) = 6,866$; $p=0,009$). 8 человек не дали сведений о своем поле. В опросе принимали участие студенты разных направлений обучения: будущие врачи, психологи, социальные работники, инженеры, экономисты и мн. др.

Исследование проводилось в сентябре–октябре 2020 г., в онлайн-формате, на платформе Qualtrics (<https://www.qualtrics.com/>) среди студентов вузов Москвы, Пензы, Казани, Смоленска, Хабаровска в России и Костаная в Республике Казахстан. В данном исследовании мы сочли возможным пренебречь имеющимися различиями между указанными российскими городами по уровню развития медицинской инфраструктуры, потому что, во-первых, борьба с COVID-19 стала приоритетным направлением российского здравоохранения: всем субъектам Российской Федерации были предоставлены необходимые материальные средства на расширение коечного фонда, оснащение больниц в расчете на число жителей региона, повышение зарплат специалистам, работающим в красной зоне и т. д. [6]. И, во-вторых, благодаря распространению различных форм удаленной работы и учебы, высокой обеспеченности Интернетом и его использованию для заказа товаров и услуг и т. п., условия адаптации студентов к пандемии в исследуемых городах были сходными.

Выбор двух стран для исследования обусловлен, во-первых, разными моделями действий государств в условиях противостояния COVID-19. Казахстан использовал китайскую схему действий — введение

жесткого режима соблюдения карантина, тогда как Россия придерживалась другой модели — постепенное введение ограничений для сдерживания распространения эпидемии [9]. Во-вторых, наличием различий в психологических характеристиках культур России и Казахстана [23].

Методики. Для измерения степени переживания страха коронавирусного заболевания была использована модифицированная и апробированная на русскоязычной выборке в России и Беларуси Шкала страха COVID-19 [28], состоящая из 9 утверждений. Например: «Я не могу спать из-за страха перед коронавирусом-19». Степень согласия респондента с каждым утверждением оценивалась по пятибалльной шкале Лайкерта, где 1 — это «полностью не согласен», а 5 — «полностью согласен». Затем подсчитывалась общая сумма баллов. Стандартизация баллов для обследованной русскоязычной выборки осуществлена нами на основе предположения о нормальном распределении данных в генеральной совокупности (популяции): сумма баллов от 9 до 18 была отнесена нами к низкому уровню страха ($n=855$); от 19 до 24 — к умеренному уровню ($n=998$); от 25 до 45 — к высокому уровню страха ($n=866$). 91 респондент не завершил работу над шкалой страха. Коэффициент α Кронбаха равен 0,84 и коэффициент ω Макдональдса равен 0,86, что свидетельствует о высокой надежности (самосогласованности) используемой шкалы.

Для выявления других негативных психоэмоциональных состояний, испытываемых респондентами в условиях пандемии, в анкету был включен вопрос: «В течение последнего месяца, из-за COVID-19, чувствовали ли Вы себя более подавленным, истощенным, одиноким, нервным, сердитым?», — получивший апробацию в зарубежных исследованиях [20; 31]. При этом каждое их этих состояний оценивалось утвердительно или отрицательно.

Способность противостоять стрессовым ситуациям изучалась с помощью Краткой шкалы стрессоустойчивости (Brief Resilience Scale) [29], включающей 6 утверждений. Например: «Я склонен долго переживать жизненные неудачи». Степень согласия респондента с каждым утверждением оценивалась по пятибалльной шкале Лайкерта, где 1 — это «полностью не согласен», а 5 — «полностью согласен». Затем подсчитывалась общая сумма баллов с учетом того, что для части утверждений использовались реверсивные значения по шкале Лайкерта. [29]. В соответствии с инструкцией по обработке и интерпретации результатов распределение их было разделено на три части: 25%, 50% и 25%. Значения, соответствующие первым 25%, интерпретировались как низкая стрессоустойчивость; значения, составляющие 50% распределения, означали нормальную стрессоустойчивость и последние 25% относились к высокой стрессоустойчивости. В соответствии с нашими результатами, сумма баллов от 6 до 17 была отнесена к низкой стрессоустойчивости ($n=671$), сумма баллов от 18 до 21 рассматривалась как нормальная стрессоустойчивость ($n=1110$) и сумма баллов от 22 до 30 интерпретировалась как высокая

стрессоустойчивость ($n=662$). 367 респондентов не завершили работу над этой шкалой. Авторы статьи получили от разработчиков Шкалы персональное разрешение на перевод ее на русский язык и это первый опыт использования Краткой шкалы стрессоустойчивости в России и Казахстане. Для шкалы значения коэффициентов α Кронбаха и ω Макдональда соответственно равны 0,67 и 0,72, что говорит о ее приемлемой надежности.

Базисные убеждения личности диагностировались при помощи Шкалы базисных убеждений Янов-Бульман [19]. Опросник позволяет определить выраженность трех базисных убеждений, составляющих, по мнению автора, ядро субъективного мира личности и лежащих в основе здорового чувства безопасности, это: 1) убеждение в том, что в мире больше добра, чем зла; 2) убеждение в том, что мир полон смысла; 3) убеждение в ценности собственного Я, способности контролировать происходящие события и везении [19]. Опросник состоит из 32 утверждений, степень согласия с которыми оценивается по шестибальной шкале Лайкерта — от «полностью не согласен» (1) до «полностью согласен» (6). Среднее значение α Кронбаха по всем субшкалам равно 0,71.

Обработка и анализ результатов эмпирического исследования осуществлялись с помощью статистического пакета SPSS v. 25. Для оценки достоверности различий между выборками применялись t -критерий Стьюдента и критерий χ^2 Пирсона; для определения взаимосвязей переменных использовался корреляционный и множественный регрессионный анализ (пошаговый метод). Для сравнения страха перед COVID-19, стрессоустойчивости и базисных убеждений у респондентов разного пола двух стран (России и Казахстана) применялся двухфакторный дисперсионный анализ. В нашем исследовании «страх перед COVID-19» выступает как зависимая переменная, а «стрессоустойчивость» и «базисные убеждения личности» — как независимые переменные. Также независимыми переменными дополнительно выступили «страна» и «пол».

Результаты исследования

Уровень страха и наличие негативных психоэмоциональных состояний у российских и казахстанских студентов

Анализ среднегрупповых значений уровня страха, полученных с помощью Шкалы страха COVID-19, показал отсутствие статистически значимых различий между результатами российских и казахских студентов: 21,87 балла (СО — 6,74) и 22,10 балла (СО — 5,90) соответственно ($t(2629)=0,665$; $p=0,506$). Итоговый результат для обеих групп составил 21,91 балла (СО — 6,60). Что касается переживания страха в зависимости от пола, то исследование выявило по всей выборке статистически значимо более высокий уровень страха у девушек (22,69 балла), по сравнению с юношами (19,98 балла) ($t(2622)=9,706$; $p<0,001$).

По отношению к значениям страха, двухфакторный дисперсионный анализ не обнаружил статистически значимых результатов взаимодействия факторов страны проживания и пола ($F(1,2619)=0,019$; $p=0,891$).

Студенты, утвердительно ответившие на вопросы об ухудшении своего психоэмоционального состояния, имели более высокие значения страха, по сравнению с теми, кто на эти вопросы ответил отрицательно: 25,93 против 20,49 для подавленности ($t(2285)=18,003$; $p<0,001$); 26,13 против 20,87 для истощенности ($t(2264)=15,160$; $p<0,001$); 23,96 против 21,03 для одиночества ($t(2261)=9,266$; $p<0,001$); 25,07 против 20,44 для нервозности ($t(2304)=16,411$; $p<0,001$); 24,54 против 20,95 для недовольства ($t(2280)=11,274$; $p<0,001$).

Также введем в рассмотрение интегральный показатель ухудшения психоэмоционального состояния студентов вследствие COVID-19, используя две категории: отсутствие сведений о таком ухудшении и наличие таких сведений, независимо от того, идет ли речь о состоянии подавленности, истощения, одиночества, нервозности или недовольства. В соответствии с ответами студентов, 1087 (38,7%) из них сообщили об ухудшении своего психоэмоционального состояния, 1224 (43,5%) дали отрицательный ответ и 499 человек (17,8%) не предоставили информацию. Соответственно, студенты, сообщившие об ухудшении своего психоэмоционального состояния, имели более высокие значения страха, по сравнению с теми, кто такого ухудшения не показал: 23,97 против 19,70 ($t(2218)=16,128$; $p<0,001$).

По отношению к значениям страха, двухфакторный дисперсионный анализ обнаружил статистически значимые результаты взаимодействия факторов страны проживания и показателя ухудшения психоэмоционального состояния ($F(1,2216)=4,931$; $p=0,026$).

Данные таблицы показывают наличие выраженности негативных психоэмоциональных состояний в зависимости от страны проживания и пола. Такие состояния более типичны для российских студентов по сравнению с казахстанскими и для девушек по сравнению с юношами.

Соотношение уровня стрессоустойчивости с уровнем страха и негативными психоэмоциональными состояниями

Результаты использования краткой шкалы стрессоустойчивости показали, что значение стрессоустойчивости статистически достоверно выше у казахстанских студентов (19,75) по сравнению с российскими (19,60) ($t(2441)=2,429$; $p=0,015$), а также у юношей выше (20,60) по сравнению с девушками (18,83) ($t(2436)=10,969$; $p<0,001$). В то же время двухфакторный дисперсионный анализ по отношению к значениям стрессоустойчивости не обнаружил статистически значимых результатов взаимодействия факторов страны проживания и пола ($F(1,2433)=1,504$; $p=0,220$).

Психоэмоциональные состояния студентов в зависимости от страны проживания и пола

В течение последнего месяца, из-за COVID-19, я чувствовал(а) себя	Россия (n=2310)	Казахстан (n=500)	Юноши (n=815)	Девушки (n=2003)
Более подавленным, % (n)	25,3 (504)**	19,1 (74)**	14,2 (100)***	28,5 (479)***
Более истощенным, % (n)	18,3 (363)**	12,1 (46)**	11,9 (83)***	19,6 (326)***
Более одиноким, % (n)	24,8 (491)	22,4 (86)	18,2 (127)***	27,1 (450)***
Более нервным, % (n)	31,6 (637)*	25,7 (101)*	19,4 (136)***	35,3 (602)***
Более сердитым, % (n)	23,1 (459)	21,7 (84)	17,8 (126)***	25,1 (418)***

Примечание: «*» – $P < 0,05$; «**» – $P < 0,01$; «***» – $p < 0,001$ (критерий χ^2).

Между показателями страха и стрессоустойчивости существует отрицательная корреляционная связь: $r = -0,312$ ($p < 0,001$). При этом данная связь характерна для студенческой молодежи независимо от страны проживания и пола.

Студенты, утвердительно ответившие на вопросы об ухудшении своего психоэмоционального состояния, имели более низкие значения стрессоустойчивости, по сравнению с теми, кто на этот вопрос ответил отрицательно: 17,45 против 19,96 для подавленности ($t(2353)=14,681$; $p < 0,001$); 17,25 против 19,81 для истощенности ($t(2333)=13,082$; $p < 0,001$); 17,85 против 19,88 для одиночества ($t(2331)=11,697$; $p < 0,001$); 17,75 против 20,08 для нервозности ($t(2337)=14,822$; $p < 0,001$); 18,15 против 19,76 для недовольства ($t(2347)=9,063$; $p < 0,001$).

Соотношение базисных убеждений с уровнем страха и негативными психоэмоциональными состояниями

Анализ средних значений, полученных по шкалам опросника Янов-Бульман выявил более высокие показатели у казахстанских студентов по сравнению с российскими по двум шкалам: «Общее отношение к благосклонности мира» (4,05 против 3,91; $t(2435)=3,064$; $p = 0,002$) и «Общее отношение к осмысленности мира» (соответственно: 3,63 и 3,49; $t(2447)=4,420$; $p < 0,001$); у девушек по сравнению с юношами — только по шкале «Общее отношение к благосклонности мира» (соответственно: 4,01 и 3,73, $t(2430)=8,061$; $p < 0,001$).

Независимо от страны проживания и пола, между показателями страха и значениями по трем шкалам опросника Янов-Бульман существуют слабые и преимущественно статистически незначимые корреляционные связи: $r = 0,025$ ($p = 0,232$) между показателями страха и значениями по шкале «Общее отношение к осмысленности мира»; $r = 0,013$ ($p = 0,526$) между показателями страха и значениями по шкале «Убеждения относительно собственной ценности»; $r = 0,051$ ($p = 0,013$) между показателями страха и значениями по шкале «Общее отношение к благосклонности мира».

Пошаговый регрессионный анализ для значений страха в качестве зависимой переменной выявил три основных предиктора. Первый из них — показатель ухудшения психоэмоционального состояния объясняет 10,6% дисперсии страха ($p < 0,001$); пол является вторым предиктором,

объясняющим 1,9% дисперсии страха ($p < 0,001$); шкала «Общее отношение к осмысленности мира» является третьим предиктором, объясняющим 0,4% страха ($p = 0,002$). Другие независимые переменные (страна, общее отношение к благосклонности мира и убеждение относительно собственной ценности) не дали статистически значимой прибавки в доле объясняемой дисперсии. Результирующее значение объясненной дисперсии (скорректированное значение R^2) для переменной страха составило 0,128 (12,8%).

Еще один показатель, требующий проверки, — это связь трех базисных убеждений личности с психоэмоциональными состояниями студентов. Ухудшение эмоционального состояния связано с более низкой степенью выраженности всех трех базисных убеждений личности: $t(2281)=5,132$; $p < 0,001$ для общего отношения к благосклонности мира; $t(2290)=3,071$; $p = 0,002$ для общего отношения к осмысленности мира; $t(2255)=5,557$; $p < 0,001$ для убеждения относительно собственной ценности.

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа не выявили статистически значимых различий в степени выраженности базисных убеждений личности в зависимости от страны и показателя ухудшения психоэмоционального состояния, а также в зависимости от пола и показателя ухудшения психоэмоционального состояния.

Связь стрессоустойчивости с базисными убеждениями

В заключение представим результаты, раскрывающие соотношение между изучаемыми нами психологическими ресурсами: стрессоустойчивость и базисные убеждения (рис.).

Как видно из рисунка, более высокому уровню стрессоустойчивости соответствуют более высокие значения базисных убеждений. Размеры эффекта (η^2) для общего отношения к благосклонности мира и общего отношения к осмысленности мира незначительны: 0,039 и 0,026 соответственно. Размер эффекта для убеждения относительно собственной ценности носит средний характер — 0,082.

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа не выявили статистически значимых различий в степени выраженности базисных убеждений личности в зависимости от страны и уровня стрессоустойчивости, а также в зависимости от пола и уровня стрессоустойчивости.

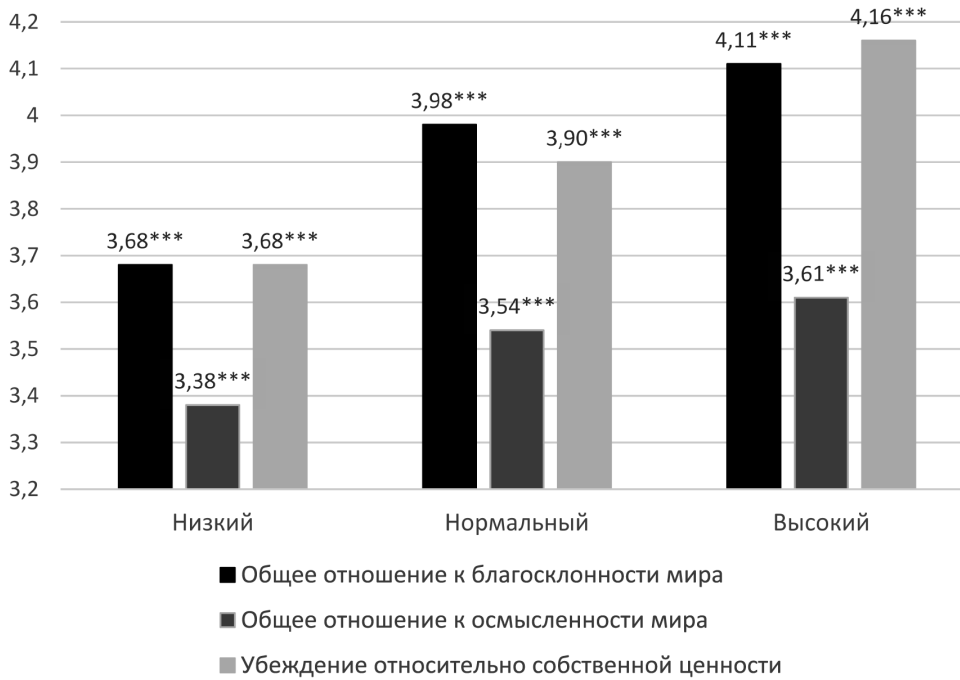

Рис. Средние значения базисных убеждений в зависимости от уровня стрессоустойчивости

Обсуждение результатов

Отсутствие различий в степени выраженности страха перед COVID-19 между студентами из России и Казахстана, возможно, связано с достаточно сходными в обеих странах стратегиями проведения социальной политики и мер поддержки здравоохранения данных стран (карантинизация, тестирование, разработка вакцин и технологий лечения и др.), а также активным обсуждением в обществе наиболее эффективных мер безопасности и противостояния распространению данного заболевания [14; 15]. Не исключено также, что одинаковый уровень страха у российских и казахстанских студентов объясняется тем, что страх как защитная биологическая реакция организма обусловлен в большей степени индивидуально-физиологическими, чем социально-культурными особенностями человека. Выявленная по всей выборке более высокая степень выраженности страха перед коронавирусным заболеванием у девушек по сравнению с юношами согласуется с данными исследований, утверждающих, что уровень переживания страхов у женщин, как правило, выше, чем у мужчин [16]. При этом, если брать во внимание взаимодействие двух факторов — пола и страны, то различий в степени интенсивности переживания страха не обнаружилось, что свидетельствует о том, что переживание страха обусловлено в большей степени половыми различиями, нежели культурными.

Однако россияне в течение последнего месяца чаще, по сравнению с казахстанцами, испытывали из-за коронавируса негативные психоэмоциональные состояния. А полученная в исследовании связь между ними и переживанием страха перед COVID-19 свидетельствует о наличии в целом более негативного эмоционального фона в среде россий-

ских студентов, что, возможно, было обусловлено более высокими (на момент опроса) показателями заболеваемости коронавирусной инфекцией среди жителей России [11], чем среди жителей Казахстана [2]. Вероятно, наличие такого эмоционального фона среди российских студентов в условиях пандемии можно объяснить большей выраженностью в российской культуре индивидуалистических тенденций, чем в казахстанской, а значит, россияне в меньшей степени рассчитывают на эмоциональную поддержку и эмоциональную помощь со стороны других людей в критических ситуациях [24].

Какие же ресурсы способствуют совладанию со страхом и негативными эмоциональными состояниями в условиях пандемии у российских и казахстанских студентов?

Выявлено, что студенты с высоким уровнем стрессоустойчивости имеют низкий уровень страха перед COVID-19 и не испытывали негативных психоэмоциональных состояний в течение последнего месяца, что подтверждает вывод о том, что стрессоустойчивость является важным психологическим ресурсом, снижающим степень уязвимости человека в стрессогенных ситуациях, к коим относится и ситуация пандемии [1]. Универсальность данного ресурса состоит и в том, что стрессоустойчивость выступает буфером негативного влияния COVID-19, независимо от фактора пола и страны проживания.

Согласно результатам, полученным по методике Янов-Бульман, у казахстанских студентов выявлены более высокие показатели базисных убеждений в благосклонности, доброжелательности мира и осмысленности, справедливости мира по сравнению с российскими студентами. Вероятно, данные различия можно объяснить особенностями сформировавшейся в условиях кочевого образа жизни казахской

культуры, которая сохранила свои основные традиционные нормы и правила до настоящего времени. В основе духовно-нравственного восприятия мира у казахов лежат принципы справедливости, равенства, вольности, демократичности [7], необходимости видеть друг в друге опору, взаимоподдержку, а также принцип «жатысынбау», что означает доверие, открытость. «Человек жив человеком» — одна из заповедей традиционного казахского общества [10].

У студентов (независимо от страны проживания) с высоким уровнем базисного убеждения в благосклонности окружающего мира выявлен высокий уровень страха перед коронавирусом заболеванием. Причем данная закономерность в большей степени характерна для юношей. Тогда как среди девушек, убежденных в благосклонности мира, в одинаково равной степени встречаются лица с разным уровнем переживания страха перед коронавирусом заболеванием.

Интересно, что данные этого исследования частично расходятся с данными, полученными нами ранее, на первом этапе пандемии, согласно которым самые высокие показатели убеждения в том, что в мире больше добра, чем зла, были обнаружены в группе лиц с низким уровнем выраженности страха [3]. Возможно, данное расхождение связано с особенностями выборки. Если в предыдущем исследовании участвовали лица всех возрастов, то выборка настоящего исследования включает только студенческую молодежь, которая, видимо, в силу своей молодости, испытывая страх перед опасным для себя и своих близких заболеванием, не теряет веру в доброту и благосклонность окружающего мира.

Видимо, нельзя не учитывать и происходящие со времени первого этапа пандемии COVID-19 изменения во взаимоотношениях с другими людьми, изменения образа Я и жизненной философии в целом. Известно, что в случае успешного совладания со стрессом базисные убеждения восстанавливаются, но лишь до определенного уровня «дотравматических» убеждений, на котором человек осознает свою уязвимость. Картину мира человека в данном случае можно озвучить примерно так: «Мир доброжелателен и справедлив ко мне. Я обладаю правом выбора. Но так бывает не всегда» [17, с. 52].

Данное предположение, на наш взгляд, подтверждают результаты анализа связи степени выраженности базисных убеждений личности с психоэмоциональными состояниями: студенты, которые верят в доброту людей и благосклонность мира, в его справедливость и контролируемость, а также убеждены в ценности собственного Я, в течение последнего месяца не испытывали состояний подавленности, истощенности, одиночества, нервозности и недовольства из-за коронавируса. Наши данные перекликаются с данными о влиянии веры в справедливость мира на положительные эмоции [33].

Причем, как показало исследование, закономерности связи страха и других негативных эмоциональных состояний со степенью выраженности базисных убеждений, полученные по всей выборке, нашли отражение и по российской, и по казахстанской выбор-

кам в отдельности. Однако полученные закономерности имеют свою специфику в зависимости от пола. Выявленная специфика различий между девушками и юношами в характере связи между страхом перед коронавирусом заболеванием и базисными убеждениями позволяет говорить о том, что половые различия в данном случае оказались более значимыми, чем этнокультурные.

В ходе исследования выявлено: высокий уровень стрессоустойчивости сопровождается выраженной базисных убеждений личности в благосклонности, осмысленности мира и ценности собственно Я, что подтверждает наличие тесной связи психологических ресурсов. Это означает, что данные психологические ресурсы, которые можно отнести как к ценностно-смысловым ресурсам, так и к ресурсам саморегуляции [12], снижают уязвимость российских и казахстанских студентов в неопределенной ситуации пандемии и определяют характер их решений в процессе совладания со страхом перед коронавирусом заболеванием и с негативными психоэмоциональными состояниями.

Выводы

Проведенное исследование стрессоустойчивости и базисных убеждений, как основных психологических ресурсов личности совладания со страхом и другими негативными психоэмоциональными состояниями, связанными с COVID-19, среди студентов России и Казахстана, позволяет сделать следующие выводы.

1. Большинство и российских, и казахстанских студентов имеют умеренный уровень страха перед COVID-19. Девушки, независимо от страны проживания, испытывают более высокий уровень страха перед COVID-19 по сравнению с юношами. Среди российских студентов, по сравнению с казахстанскими, больше тех, кто в течение последнего месяца из-за коронавируса испытывал такие негативные психоэмоциональные состояния, как подавленность, истощенность, одиночество, нервозность, недовольство. При этом доля девушек, испытывающих негативные психоэмоциональные состояния, также значимо выше по сравнению с долей юношей, как в России, так и Казахстане.

2. Казахстанское студенчество, по сравнению с российским, имеет более высокий уровень выраженности таких психологических ресурсов, как стрессоустойчивость и базисные убеждения в благосклонности, доброжелательности мира и осмысленности, справедливости мира, что, на наш взгляд, объясняется особенностями сформировавшейся в условиях кочевого образа жизни казахской культуры, в основе которой лежат принципы взаимоподдержки и взаимопомощи, доверия и открытости.

3. Высокий уровень устойчивости перед стрессовыми событиями сопровождается более низкими показателями страха перед COVID-19 и отсутствием связанных с ним негативных психоэмоциональных

состояний независимо от страны проживания и пола, что свидетельствует об универсальности данного психологического ресурса как буфера, смягчающего травмирующее влияние ситуации пандемии.

4. У студентов с высоким уровнем базисного убеждения в благосклонности окружающего мира, независимо от страны проживания, обнаружен высокий уровень страха перед коронавирусом заболеванием, что расходится с нашими данными, полученными при исследовании первой волны заболеваемости COVID-19. Разрешение данного противоречия требует проведения дальнейших исследований с учетом влияния третьих факторов, например возраста; наличия опыта болезни собственного, родственников, знакомых; уровня медицинской образованности и др. Студенты, которые не только убеждены в благосклонности окружающего мира, но и в его справедливости и контролируемости, а также в ценности собственного Я, не испытывали состояний подавлен-

ности, истощенности, одиночества, нервозности и недовольства из-за коронавируса в течение последнего месяца, что в целом говорит о ресурсном потенциале базисных убеждений личности.

5. Высокий уровень стрессоустойчивости связан с выраженностью базисных убеждений личности в благосклонности, осмысленности мира и ценности собственно Я, что в совокупности выступает ресурсным потенциалом личности в борьбе со страхом и негативными психоэмоциональными состояниями, вызванными стрессогенным воздействием COVID-19.

Ограничения исследования. Использование платформы Qualtrics для проведения онлайн-опросов не позволяет формировать случайные выборки, выровненные, например, по размеру, полу и возрасту. Кроме того, в исследовании участвовали студенты Северного Казахстана (г. Костанай), что имеет определенные ограничения в экстраполяции результатов исследования на всех казахстанских студентов.

Литература

1. Албакова З.А., Погорова Р.И. Глобальный вызов COVID-19 и особенности проявления стрессоустойчивости современного человека // Высшее образование сегодня. 2020. № 9. С. 14–19. DOI:10.25586/RNU
2. Горячая линия министерства здравоохранения РК. 2020. 16 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coronavirus2020.kz/> (дата обращения: 16.11.2020).
3. Грищенко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В., Маринова Т.Ю., Хоменко Н.В., Израйлович Р. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 99–118. DOI:10.17759/cpse.2020090205
4. Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 2. С. 108–126. DOI:10.17759/psyedu.2020120207
5. Жаркынбекова Ш.К., Жусупова Р.Ф. Теория измерений Хофстеде для развития межкультурной компетенции (на примере Казахстана) // Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика: сб. статей / Под общ. ред. Л.А. Мардиевой, Т.Ю. Щуклиной. Казань, 2019. С. 65–73.
6. Земцов С.П., Бабурин В.Л. COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 4. С. 485–505. DOI: 10.31857/S2587556620040159
7. Ибраева А.С. К вопросу об особенностях национальной правовой культуры казахского народа: история и современность // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2017. № 1–2(16). С. 206–209.
8. Исаева Е.Р. Психологические адаптационные ресурсы личности в условиях здоровья и болезней // Медицинская психология в России. 2015. № 1(30). С. 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 21.07.2021).
9. Карпович О.Г., Литвинов В.О. Болезнь «X» меняет мир. Последствия пандемии COVID-19 для стран-

References

1. Albakova Z.A., Pogorova R.I. Global'nyi vyzov COVID-19 i osobennosti proyavleniya stressoustoichivosti sovremennogo cheloveka [The global challenge of COVID-19 and the peculiarities of the manifestation of stress resistance of a modern person]. *Vysshee obrazovanie segodnya [Higher education today]*. 2020, no. 9, pp. 14–19. DOI:10.25586/RNU
2. Goryachaya liniya ministerstva zdravookhraneniya RK. 2020. 16 noyabrya [Elektronnyi resurs] [Hotline of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan. 2020. November 16]. URL: <https://www.coronavirus2020.kz/> (Accessed: 16.11.2020)
3. Gritsenko V.V., Reznik A.D., Konstantinov V.V., Marinova T.Yu., Khomenko N.V., Izrailovits R. Strakh pered koronavirusnym zabolevaniem (COVID-19) i bazisnye ubezhdeniya lichnosti [Elektronnyi resurs] [Fear of coronavirus disease (COVID-19) and basic personal beliefs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and special psychology]*, 2020. Vol. 9, no. 2. pp. 99–118. DOI:10.17759/cpse.2020090205
4. Enikolopov S.N., Boiko O.M., Medvedeva T.I., Vorontsova O.Yu., Kaz'mina O.Yu. Dinamika psikhologicheskikh reaktzii na nachal'nom etape pandemii COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research]*, 2020. Vol. 12, no. 2, pp. 108–126. DOI:10.17759/psyedu.2020120207
5. Zharkynbekova Sh.K., Zhusupova R.F. Teoriya izmerenii Khofstede dlyarazvitiya mezhhkul'turnoi kompetentsii (na primere Kazakhstana) [Hofstede's measurement theory for the development of intercultural competence (on the example of Kazakhstan)]. In: *Mardievoi L.A., Shchuklinoi T.Yu. (eds). Yazyk v natsional'no-kul'turnom rakurse: teoriya i praktika [Language in a national-cultural perspective: theory and practice]*. Kazan', 2019. pp. 65–73.
6. Zemtsov S.P., Baburin V.L. COVID-19: prostranstvennaya dinamika i faktory rasprostraneniya po regionam Rossii [COVID-19: Spatial Dynamics and Diffusion Factors across Russian Regions]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya [Izvestia of the Russian Academy*

- участников СНГ. Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(3). С. 312–326. DOI:10.24975/2313-8920-2020-7-3-312-326
10. Кобжасарова Ж.К. Культура общения казахского народа // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. № 4. С. 62–71.
11. Коронавирус в России — ситуация на 16 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://koronavirustoday.ru/news/russia/koronavirus-v-rossii-situacziya-na-16-noyabrya-2020> (дата обращения: 16.11.2020).
12. Леонтьев Д.А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 2010. Том 2. С. 40–42.
13. Луковцева З.В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 13–25. DOI:10.17759/sps.2020110402
14. Маукаева С.Б., Узбекова С.Е., Оразалина А.С., Узбеков Д.Е., Жүнісов Е.Т., Мусабеков М.Б. COVID-19 в Казахстане: эпидемиология и клиника // Наука и здравоохранение. 2020. № 3(22). С. 17–21. DOI:10.34689/SH.2020.22.3.003
15. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / Н.А. Авксентьев, М.Л. Агранович, Н.В. Акиндинова [и др.]. М., 2020. 744 с.
16. Одишцова М.А., Радчикова Н.П., Янчук В.А. Оценка ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 56–77. DOI:10.17759/sps.2021120204
17. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 206 с.
18. Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Кошоховская Ю.Е., Дорохов Е.А. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119–146. DOI:10.17759/cpse.2020090206
19. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 112 с.
20. Bao Y., Sun Y., Meng S., Shi J., Lu L. 2019-nCoV epidemic: address mental health care to empower society // Lancet. 2020. Vol. 395(10224). e37–e38 DOI:10.1016/S0140-6736(20)30309-3.
21. Bruns D.P., Kraguljac N.V., Bruns T.R. COVID-19: facts, cultural considerations and risk of stigmatization // Journal of Transcultural Nursing. 2020. Vol. 31(4). P. 326–332. DOI:10.1177/1043659620917724
22. Cielo F., Ulberg R., Giacomo D. Psychological Impact of the COVID-19 Outbreak on Mental Health Outcomes among Youth: A Rapid Narrative Review // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. Vol. 18(11). P. 6067. DOI:10.3390/ijerph18116067
23. Hofstede G. Dimension data matrix [Электронный ресурс]. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/> (дата обращения: 28.12.2020).
24. Hussein N.H. COVID-19 in a collectivist culture: social isolation and maintenance of social relations // International Journal of Sociology and Social Policy. 2020. Vol. 13. DOI:10.1108/IJSSP-07-2020-0297
25. Nilchaikovit T., Hill J.M., Holland J.C. The effects of culture on illness behavior and medical care: Asian and American differences // General hospital psychiatry. 1993. Vol. 15(1). P. 41–50. DOI:10.1016/0163-8343(93)90090-b
- of Sciences. Geographic series], 2020. Vol. 4, pp. 485–505. DOI: 10.31857/S2587556620040159
7. Ibraeva A.S. K voprosu ob osobennostyakh natsional'noi pravovoi kul'tury kazakhskogo naroda: istoriya i sovremennost' [On the issue of the peculiarities of the national legal culture of the Kazakh people: history and modernity]. *Izvestiya Issyk-Kul'skogo foruma bukhgalterov i auditorov stran Tsentral'noi Azii* [Izvestia of the Issyk-Kul forum of accountants and auditors of Central Asian countries], 2017, no. 1–2 (16), pp. 206–209.
8. Isaeva E.R. Psikhologicheskie adaptatsionnye resursy lichnosti v usloviyakh zdorov'ya i bolezni [Elektronnyi resurs] [Psychological adaptation resources of a personality in conditions of health and disease]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2015, no. 1 (30), 8 p. URL: <http://mprj.ru> (Accessed: 21.07.2021).
9. Karpovich O.G., Litvinov V.O. Bolezn' «X» menyaet mir. Posledstviya pandemii COVID-19 dlya stran-uchastnikov SNG [Disease X is changing the world. Consequences of the COVID-19 pandemic for the CIS countries]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Problems of the post-Soviet space], 2020, no. 7 (3), pp. 312–326. DOI:10.24975/2313-8920-2020-7-3-312-326
10. Kobzhasarova Zh.K. Kul'tura obshcheniya kazakhskogo naroda [The culture of communication of the Kazakh people] *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt* [Modern higher school: an innovative aspect], 2012, no. 4, pp. 62–71.
11. Koronavirus v Rossii — situatsiya na 16 noyabrya 2020 [Elektronnyi resurs] [Coronavirus in Russia — the situation as of November 16, 2020]. URL: <https://koronavirustoday.ru/news/russia/koronavirus-v-rossii-situacziya-na-16-noyabrya-2020> (Accessed: 16.11.2020).
12. Leont'ev D.A. Psikhologicheskie resursy preodoleniya stressovykh situatsii: k utochneniyu bazovykh konstruktov [Psychological resources for overcoming stressful situations: to clarify the basic constructs]. Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya v sovremennom rossiiskom obshchestve: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf [Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society: materials of the II Intern. scientific-practical conf]. Kostroma, 2010. Vol. 2, pp. 40–42.
13. Lukovtseva Z.V. Pandemiya COVID-19 kak sotsial'nyi stressor: faktory psikhologo-psikhiatricheskogo riska (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [The COVID-19 pandemic as a social stressor: psychological and psychiatric risk factors (based on foreign studies)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 13–25. DOI:10.17759/sps.2020110402
14. Maukaeva S.B., Uzbekova S.E., Orazalina A.S., Uzbekov D.E., Zhynisov E.T., Musabekov M.B. COVID-19 v Kazakhstane: epidemiologiya i klinika [COVID-19 in Kazakhstan: Epidemiology and Clinic]. *Nauka i zdavoookhranenie* [Science and Health], 2020, no 3 (22), pp. 17–21. DOI:10.34689/SH.2020.22.3.003
15. Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki bor'by s COVID-19 v Rossii [Society and a pandemic: experience and lessons of the fight against COVID-19 in Russia] Avksent'ev N.A., Agranovich M.L., Akindinova N.V., et. al. Moscow, 2020. 744 p.
16. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Yanchuk V.A. Otsenka situatsii pandemii COVID-19 zhitelyami Rossii i Belarusi [Assessment of the situation of the COVID-19 pandemic by residents of Russia and Belarus]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 56–77. DOI:10.17759/sps.2021120204
17. Padun M.A., Kotel'nikova A.V. Psikhicheskaya travma i kartina mira: Teoriya, empiriya. Praktika [Mental

26. Porcelli P. Fear, anxiety, and health-related consequences after the COVID-19 epidemic // *Clinical Neuropsychiatry*. 2020. Vol. 17(2). P. 103–111. DOI:10.36131/CN20200215
27. Rajkumar R.Ph. The relationship between measures of individualism and collectivism and the impact of COVID-19 across nations // *Public Health in Practice*. 2021. Vol. 2. P. 100143. DOI:10.1016/j.puhip.2021.100143
28. Reznik A., Gritsenko V., Konstantinov V., Khamenka N., Isralowitz R. COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale [Электронный ресурс] // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020. May. P. 1–6. DOI:10.1007/s11469-020-00283-3 (дата обращения: 25.06.2020).
29. Smith B.W., Dalen J., Wiggins K., Tooley E., Christopher P., Bernard J. The Brief Resilience Scale: Assessing the Ability to Bounce Back // *International Journal of Behavioral Medicine*. 2008. Vol. 15(3). P. 194–200. DOI: 10.1080/10705500802222972
30. Soares A.M., Farhangmehr M., Shoham A. Hofstede's dimensions of culture in international marketing studies // *Journal of Business Research*. 2007. Vol. 60(3). P. 277–284. DOI:10.1016/j.jbusres.2006.10.018
31. Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health // *International Journal of Social Psychiatry*. 2020. Vol. 66(4). P. 317–320. DOI:10.1177/0020764020915212
32. Tweed R.G., Conway L.G. Coping strategies and culturally influenced beliefs about the world. // *International and Cultural Psychology Series. Handbook of multicultural perspectives on stress and coping* / P.T.P. Wong, L.C.J. Wong (Eds.). Dallas, TX, US: Spring publications, 2006. P. 133–153. DOI:10.1007/0-387-26238-5_7
33. Wang J., Wang Z., Liu X., Yang X., Zheng M., Bai X. The impacts of a COVID-19 epidemic focus and general belief in a just world on individual emotions // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 168. P. 110349. DOI:10.1016/j.paid.2020.110349
34. Whitehead S. Men and masculinities: Key themes and new directions. Cambridge: Polity; Malden, Blackwell, 2002. 278 p.
- trauma and the picture of the world: Theory, empiricism. Practice]. Moscow: Publ. Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012. 206 p.
18. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., Konyukhovskaya Yu.E., Dorokhov E.A. Vospriyatie COVID-19 naseleniem Rossii v usloviyakh pandemii 2020 goda [Perception of COVID-19 by the Russian population in the context of the 2020 pandemic]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and Special Psychology]*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 119–146. DOI:10.17759/cpse.2020090206
19. Soldatova G.U., Shaigerova L.A., Prokofeva T.Yu. Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnosics of personality tolerance]. Moscow: Publ. Smysl, 2008. 112 p.
20. Bao Y., Sun Y., Meng S., Shi J., Lu L. 2019-nCoV epidemic: address mental health care to empower society. *Lancet*, 2020. Vol. 395 (10224), e37–e38 DOI:10.1016/S0140-6736(20)30309-3.
21. Bruns D.P., Kraguljac N.V., Bruns T.R. COVID-19: facts, cultural considerations and risk of stigmatization. *Journal of Transcultural Nursing*, 2020. Vol. 31 (4), pp. 326. DOI:10.1177/1043659620917724
22. Cielo F, Ulberg R., Giacomo D. Psychological Impact of the COVID-19 Outbreak on Mental Health Outcomes among Youth: A Rapid Narrative Review. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2021. Vol 18 (11), pp. 6067. DOI:10.3390/ijerph18116067
23. Hofstede G. Dimension data matrix. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/> (Accessed: 28.12.2020)
24. Hussein N.H. COVID-19 in a collectivist culture: social isolation and maintenance of social relations. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2020. Vol. 13. DOI:10.1108/IJSSP-07-2020-0297
25. Nilchaikovit T., Hill J.M., Holland J.C. The effects of culture on illness behavior and medical care: Asian and American differences. *General hospital psychiatry*, 1993. Vol. 15 (1), pp. 41–50. DOI:10.1016/0163-8343(93)90090-b
26. Porcelli P. Fear, anxiety, and health-related consequences after the COVID-19 epidemic. *Clinical Neuropsychiatry*, 2020. Vol. 17 (2), pp. 103–111. DOI: 10.36131/CN20200215
27. Rajkumar R.Ph. The relationship between measures of individualism and collectivism and the impact of COVID-19 across nation. *Public Health in Practice*, 2021. Vol. 2, pp. 100143. DOI:10.1016/j.puhip.2021.100143
28. Reznik A., Gritsenko V., Konstantinov V., Khamenka N., Isralowitz R. COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020. May, pp. 1–6. DOI:10.1007/s11469-020-00283-3 (Accessed: 25.06.2020).
29. Smith B.W., Dalen J., Wiggins K., Tooley E., Christopher P., Bernard J. The Brief Resilience Scale: Assessing the Ability to Bounce Back. *International Journal of Behavioral Medicine*, 2008. Vol. 15 (3), pp. 194–200. DOI:10.1080/10705500802222972
30. Soares A.M., Farhangmehr M., Shoham A. Hofstede's dimensions of culture in international marketing studies. *Journal of Business Research*, 2007. Vol. 60 (3). pp. 277–284. DOI:10.1016/j.jbusres.2006.10.018
31. Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *International Journal of Social Psychiatry*, 2020. Vol. 66(4), pp. 317–320. DOI:10.1177/0020764020915212
32. Tweed R.G., Conway L.G. Coping strategies and culturally influenced beliefs about the world. In Wong P.T.P., Wong L.C.J. (eds.), *International and Cultural Psychology*

Series. Handbook of multicultural perspectives on stress and coping. Dallas, TX, US: Spring publications, 2006, pp. 133–153. DOI:10.1007/0-387-26238-5_7

33. Wang J., Wang Z., Liu X., Yang X., Zheng M., Bai X. The impacts of a COVID-19 epidemic focus and general belief in a just world on individual emotions. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 168, pp. 110349. DOI:10.1016/j.paid.2020.110349

34. Whitehead S. Men and masculinities: Key themes and new directions. Cambridge: Polity; Malden, Blackwell, 2002. 278 p.

Информация об авторах

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Резник Александр Давидович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник регионального центра по изучению наркомании и алкоголизма, Университет Бен Гурион в Негеве, г. Беэр-Шева, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4120-909X>, e-mail: reznikal@bgu.ac.il

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии, Пензенский государственный университет (ФГБОУ ВО ПГУ), г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Гужва Ирина Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ), г. Смоленск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4223-1520>, e-mail: empatiya84@mail.ru

Маринова Татьяна Юрьевна, кандидат биологических наук, декан факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Израйловиц Ричард, PhD, профессор-эмерит, директор регионального центра по изучению наркомании и алкоголизма, Университет Бен Гурион в Негеве, г. Беэр-Шева, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8413-1686>, e-mail: richard@bgu.ac.il

Information about the authors

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor, Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Alexander D. Reznik, PhD in Psychology, Senior Research Associate, Regional Alcohol and Drug Abuse Research Center, Ben Gurion University of the Negev, Beer Sheva, Israel, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4120-909X>, e-mail: reznikal@bgu.ac.il

Vsevolod V. Konstantinov, Doctor of Psychology, Head, Department of General Psychology, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Irina V. Guzhva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of General Psychology, Smolensk State University, Smolensk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4223-1520>, e-mail: empatiya84@mail.ru

Tatyana Yu. Marinova, PhD in Biology, Dean, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Richard Isralowitz, PhD in Social Policy and Management, Professor (Emeritus), Director, Regional Alcohol and Drug Abuse Research Center, Ben Gurion University of the Negev, Beer Sheva, Israel. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8413-1686>, e-mail: richard@bgu.ac.il

Получена 23.08.2021

Принята в печать 08.12.2022

Received 23.08.2021

Accepted 08.12.2022